

Толстой Лев Николаевич

Первая ступень

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Первая ступень / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
47 с.

ISBN 978-5-519-77179-5

ISBN 978-5-519-77179-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

та лѣстница, которая, какъ говоритъ китайская мудрость, стоитъ отъ земли до неба, и на которую восхождение не можетъ происходить иначе, какъ съ низшей ступени. Какъ въ ученіяхъ браминовъ, буддистовъ, конфуціанцевъ, такъ и въ ученіи мудрецовъ Греціи, устанавливаются ступени добродѣтелей, и высшая не можетъ быть достигнута безъ того, чтобы не была усвоена низшая. Всѣ нравственные учителя человѣчества, какъ религіозные, такъ и не религіозные, признавали необходимость опредѣленной послѣдовательности въ пріобрѣтеніи добродѣтелей, нужныхъ для доброй жизни; необходимость эта вытекаетъ и изъ самой сущности дѣла, и потому, казалось бы, должна бы быть признаваема всѣми людьми.

Но удивительное дѣло! Сознаніе необходимой послѣдовательности качествъ и дѣйствій, существенныхъ для доброй жизни, какъ будто утрачивается все болѣе и болѣе и остается только въ средѣ аскетической, монашескуюющей. Въ средѣ же свѣтскихъ людей предполагается и признается возможность пріобрѣтенія высшихъ свойствъ доброй жизни не только при отсутствіи низшихъ добрыхъ качествъ, обусловливающихъ высшія, но и при самомъ широкомъ развитіи пороковъ; вслѣдствіе чего и представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ добрая жизнь, доходитъ въ наше время въ средѣ большинства свѣтскихъ людей до величайшей путаницы. Утрачено представленіе о томъ, что есть добрая жизнь.

..

Произошло это, какъ я думаю, слѣдующимъ образомъ. Христіанство, замѣняя язычество, выставило болѣе

высокія, чѣмъ языческія, нравственныя требованія и, какъ и не могло быть иначе, выставляя свои требованія, установило, какъ и въ языческой нравственности, одну необходимую послѣдовательность пріобрѣтенія добродѣтелей или ступеней для достиженія доброй жизни.

Добродѣтели Платона, начинаясь воздержаніемъ, черезъ мужество и мудрость, достигали справедливости, христіанскія добродѣтели, начинаясь самоотреченіемъ, черезъ преданность волѣ Божіей достигаютъ любви.

Люди, серьезно принявшіе христіанство и стремившіеся усвоить для себя добрую христіанскую жизнь, такъ и понимали христіанство и всегда начинали добрую жизнь отреченіемъ отъ своихъ похотей, включающимъ въ себя языческое воздержаніе.

Христіанское ученіе потому только и замѣнило языческое, что оно иное и выше языческаго. Но христіанское ученіе, какъ и языческое, ведетъ людей къ истинѣ и добру; а такъ какъ истина и добро всегда одни, то и путь къ нимъ долженъ быть одинъ, и первые шаги на этомъ пути неизбѣжно должны быть одни и тѣ же какъ для христіанина, такъ и для язычника.

Различіе христіанскаго отъ языческаго ученія добра въ томъ, что языческое ученіе есть ученіе конечнаго, христіанское же—безконечнаго совершенства. Платонъ, напримѣръ, ставилъ образцомъ совершенства справедливость; Христосъ же ставитъ образцомъ безконечное совершенство любви. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный». Въ этомъ различіе. Отъ этого и различное отношеніе языческаго и христіанскаго ученія къ различнымъ ступенямъ добродѣтелей. Дости-

женіе вышей добродѣтели по языческому ученію возможно, и всякая ступень достиженія имѣетъ свое относительное значеніе: чѣмъ выше ступень, тѣмъ больше достоинства, такъ что люди съ языческой точки зрѣнія раздѣляются на добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ, на болѣе или менѣе добродѣтельныхъ. По христіанскому же ученію, выставившему идеаль безконечнаго совершенства, дѣленія этого не можетъ быть. Не можетъ быть и ступеней вышихъ и низшихъ. По христіанскому ученію, указавшему безконечность совершенства, всѣ ступени равны между собою по отношенію къ безконечному идеалу. Различіе достоинства въ язычествѣ состоитъ въ той ступени, которая достигнута человѣкомъ; въ христіанствѣ достоинство состоитъ только въ процессѣ достиженія, въ большей или меньшей скорости движенія. Съ языческой точки зрѣнія человѣкъ, обладающій добродѣтелью благоразумія, стоитъ въ нравственномъ значеніи выше человѣка, не обладающаго этой добродѣтелью; человѣкъ, обладающій сверхъ благоразумія и мужествомъ, стоитъ еще выше; человѣкъ, обладающій и благоразуміемъ, и мужествомъ, и сверхъ того справедливостью, стоитъ еще выше; христіанинъ же не можетъ считаться ни одинъ ни выше ни ниже другого въ нравственномъ значеніи; христіанинъ только тѣмъ болѣе христіанинъ, чѣмъ быстрее онъ движется къ безконечному совершенству, независимо отъ той ступени, на которой онъ въ данную минуту находится. Такъ что неподвижная праведность фарисея ниже движенія кающагося разбойника на крестѣ.

Но въ томъ, что движеніе къ добродѣтели, къ совершенству не можетъ совершаться помимо низшихъ

степеней добродѣтели, какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ, — въ этомъ не можетъ быть различія.

Христіанинъ, какъ и язычникъ, не можетъ не начать работу совершенствованія съ самаго начала, т.-е. съ того же, съ чего начинается ее язычникъ, именно съ воздержанія, какъ не можетъ тотъ, кто хочетъ войти на лѣстницу, не начать съ первой ступени. Разница только въ томъ, что для язычника воздержаніе само по себѣ представляется добродѣтелью, для христіанина же воздержаніе есть только часть самоотреченія, составляющаго необходимое условіе стремленія къ совершенству. И потому истинное христіанство въ своемъ проявленіи не могло отвергнуть добродѣтели, которыя указывало и язычество.

Но не всѣ люди понимали христіанство, какъ стремленіе къ совершенству Отца Небеснаго; христіанство, ложно понятое, уничтожало искренность и серьезность отношенія людей къ нравственному его ученію.

Если человѣкъ вѣритъ, что можетъ спастись помимо исполненія нравственнаго ученія христіанства, то ему естественно думать, что усилія его быть добрымъ излишни. И потому человѣкъ, вѣрующій въ то, что есть средства спасенія помимо личныхъ усилій къ достиженію совершенства*), не можетъ стремиться къ этому съ тою энергіею и серьезностью, съ которою стремится человѣкъ, не знающій никакихъ другихъ средствъ, кромѣ личныхъ усилій. А не стремясь къ этому съ полною серьезностью, зная другія средства, кромѣ личныхъ усилій, человѣкъ неизбежно будетъ пренебре-

*) Какъ, напримѣръ, индульгенціи у католиковъ.

гать и тѣмъ однимъ неизмѣннымъ порядкомъ, въ которомъ могутъ быть приобрѣтаемы добрыя качества, нужныя для доброй жизни. Это самое и случилось съ большинствомъ людей, внѣшнимъ образомъ исповѣдующихъ христіанство.

III.

Ученіе о томъ, что личныя усилія не нужны для достиженія человѣкомъ духовнаго совершенства, а что есть для этого другія средства, является причиной ослабленія стремленія къ доброй жизни и отступленія отъ необходимой для доброй жизни послѣдовательности.

Огромная масса людей, которая внѣшнимъ только образомъ приняла христіанство, воспользовалась замѣной язычества христіанствомъ для того, чтобы, освободившись отъ требованій языческихъ добродѣтелей, какъ бы ненужныхъ уже для христіанина, освободить себя и отъ всякой необходимости борьбы съ своей животной природой.

То же самое сдѣлали и люди, переставшіе вѣрить во внѣшнее только христіанство. Они точно такъ же, какъ и тѣ вѣрующіе, выставляя вмѣсто внѣшняго христіанства какое-нибудь принятое большинствомъ мнимое доброе дѣло, въ родѣ служенія наукѣ, искусству, человѣчеству, — во имя этого мнимаго добраго дѣла освобождаютъ себя отъ послѣдовательности приобрѣтенія качествъ, нужныхъ для доброй жизни, и довольствуются тѣмъ, что притворяются, какъ на театрѣ, что живутъ доброю жизнью.

Такіе люди, оставшіе отъ язычества и не приставшіе къ христіанству въ его истинномъ значеніи стали

проповѣдывать любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія и справедливость безъ воздержанія, т.-е. проповѣдывать высшія добродѣтели безъ достиженія низшихъ, т.-е. не самыя добродѣтели, а только подобіе ихъ.

Одни проповѣдуютъ любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія, другіе — гуманность, служеніе людямъ, человѣчеству безъ воздержанія.

И такъ какъ проповѣдь эта поощряетъ животную природу человѣка подъ видомъ введенія его въ высшія нравственныя сферы, освобождая его отъ самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, давнымъ-давно высказанныхъ язычниками, и не только не отвергнутыхъ, но усиленныхъ истиннымъ христіанствомъ, то она охотно была принята какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими.

На дняхъ только вышла энциклика папы о социализмѣ. Тамъ послѣ опроверженія мнѣнія социалистовъ о незаконности собственности сказано прямо, что «никто, несомнѣнно, не обязанъ помогать ближнему, давая изъ того, что ему или семьѣ его нужно; ни даже уменьшать что-либо изъ того, чего требуютъ отъ него приличія. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не долженъ жить противно обычаямъ». (Это мѣсто изъ святого Θомы). «Но послѣ того, какъ отдано должное нуждѣ и внѣшнимъ приличіямъ», говоритъ далѣе энциклика, «обязанность каждаго — отдавать излишекъ бѣднымъ».

Такъ проповѣдуетъ глава одной изъ самыхъ распространенныхъ теперь Церквей. И рядомъ съ этой проповѣдью эгоизма, предписывающей отдавать ближнему то, что вамъ не нужно, проповѣдуется любовь, постоянно съ пафосомъ приводятся знаменитыя слова

Павла изъ 13 главы 1-го Посланія къ Коринѣянамъ о любви.

Несмотря на то, что все ученіе Евангелія переполнено требованіями самоотреченія, указаніями на то, что самоотреченіе есть первое условіе христіанскаго совершенства, несмотря на такія ясныя изреченія какъ: «кто не возьметъ креста своего... кто не отречется отъ отца, матери... кто не погубитъ жизнь свою...» — люди увѣряютъ себя и другихъ, что возможно любить людей, не отрекаясь не только отъ того, къ чему привыкъ, но и отъ того, что самъ считаешь для себя приличнымъ.

Такъ говорятъ ложные христіане, и точь-въ-точь такъ же думаютъ и говорятъ, и пишутъ, и поступаютъ люди, отвергающіе не только виѣшнее, но и истинное христіанское ученіе, люди свободно мыслящіе. Люди эти увѣряютъ себя и другихъ, что, вовсе не уменьшая своихъ потребностей, не побѣждая своихъ похотей, можно служить людямъ и человѣчеству, т.е. вести добрую жизнь.

Люди отбросили языческую послѣдовательность добродѣтелей и, не усвоивъ христіанскаго ученія въ его истинномъ значеніи, не приняли и христіанской послѣдовательности и остались безъ всякаго руководства.

IV.

Въ старину, когда не было христіанскаго ученія, у всѣхъ учителей жизни, начиная съ Сократа, первую добродѣтелью въ жизни было воздержаніе, — и было понятно, что всякая добродѣтель должна начинаться

съ него и проходить черезъ него. Было ясно, что человѣкъ не владѣющій собой, развившій въ себѣ огромное количество похотей и подчиняющійся всѣмъ имъ, не могъ вести добрую жизнь. Было ясно, что прежде чѣмъ человѣкъ могъ думать не только о великодушїи, о любви, но о безкорыстїи, справедливости, онъ долженъ былъ научиться владѣть собою. По нашимъ же взглядамъ этого ничего не нужно. Мы вполне увѣрены, что человѣкъ, развившій свои похоти до той высшей степени, въ которой онъ развитъ въ нашемъ мїрѣ, человѣкъ, не могущій жить безъ удовлетворенїя сотни получившихъ надъ нимъ власть ненужныхъ привычекъ, можетъ вести вполне нравственную, добрую жизнь.

Въ наше время и въ нашемъ мїрѣ стремленіе къ ограниченїю своихъ похотей считается не только не первымъ, но даже и не послѣднимъ, а совершенно не нужнымъ для веденїя доброй жизни дѣломъ.

По царствующему самому распространенному современному ученїю о жизни увеличеніе потребностей считается, напротивъ, желательнымъ качествомъ, признакомъ развитїя, цивилизаціи, культуры и совершенствованїя. Люди, такъ называемые, образованные считаютъ, что привычки комфорта, т.-е. изнѣженности, суть привычки не только не вредныя, но хорошія, показывающія извѣстную нравственную высоту человѣка, почти что добродѣтель.

Чѣмъ больше потребностей, чѣмъ утонченнѣе эти потребности, тѣмъ считается это лучше.

Ничто такъ ясно не подтверждаетъ этого, какъ опи-

сательная поэзія и въ особенности романы прошедшаго и нашего вѣка.

Какъ изображаются герои и героини, представляющіе идеалы добродѣтелей?

Въ большинствѣ случаевъ мужчины, долженствующіе представить нѣчто возвышенное и благородное, начиная съ Чайльдъ - Гарольда и до послѣднихъ героевъ Фелье, Тrolлопа, Мопасана, — суть не что иное, какъ развратные тунеядцы, ни на что, ни для кого не нужные; героини же — это такъ или иначе, болѣе или менѣе доставляющія наслажденіе мужчинамъ любовницы, точно такъ же праздныя и преданныя роскоши.

Я не говорю о встрѣчающемся изрѣдка въ литературѣ изображеніи дѣйствительно воздержныхъ и трудящихся лицъ, — я говорю о типѣ обычномъ, представляющемъ идеалъ для массы, о томъ лицѣ, похожимъ на которое старается быть большинство мужчинъ и женщинъ. Помню, когда я писалъ романы, то тогда для меня необъяснимое затрудненіе, въ которомъ я находился и съ которымъ боролся, — и съ которымъ теперь, я знаю, борются всѣ романисты, имѣющіе хотя самое смутное сознаніе того, что составляетъ дѣйствительную нравственную красоту, — заключалось въ томъ, чтобы изобразить типъ свѣтскаго человѣка идеально хорошій, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который бы былъ вѣренъ дѣйствительности.

V.

Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что дѣйствительно люди нашего времени не только не признаютъ того, что языческое воздержаніе или христіанское са-

моотреченіе суть свойства желательныя и добрыя, но считаютъ увеличеніе потребностей чѣмъ-то хорошимъ и возвышеннымъ, служить то, какъ въ огромномъ большинствѣ воспитываются дѣти нашего міра. Ихъ не только не приучаютъ къ воздержанію, какъ это было у язычниковъ, и къ самоотреченію, какъ это должно быть у христіанъ, но сознательно прививаютъ имъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши.

Мнѣ давно хотѣлось написать такую сказку: женщина, оскорбленная другой, желая отмстить ей, похищаетъ ребенка своего врага, идетъ къ колдуну, прося его научить, чѣмъ она злѣе всего можетъ отмстить своему врагу на единственномъ похищенномъ дѣтищѣ. Колдунъ научаетъ похитительницу отнести ребенка въ мѣсто, которое онъ указываетъ, и утверждаетъ, что месть будетъ самая ужасная. Злая женщина дѣлаетъ это, но слѣдитъ за ребенкомъ и къ удивленію своему видитъ, что ребенокъ взятъ и усыновленъ бездѣтнымъ богачемъ. Она идетъ къ колдуну и упрекаетъ его, но колдунъ велитъ ждать. Ребенокъ растетъ въ роскоши и изнѣженности. Злая женщина въ недоумѣніи, но колдунъ велитъ ждать. И дѣйствительно, наступаетъ время, когда злая женщина удовлетворена и даже жалѣетъ свою жертву. Ребенокъ вырастаетъ въ изнѣженности и распущенности и, благодаря своему доброму характеру, раззоряется. И тутъ начинается рядъ физическихъ страданій, нищеты и униженій, къ которымъ онъ особенно чувствителенъ и съ которыми не умѣетъ бороться. Стремленіе къ нравственной жизни—и безсиліе изнѣженной, приученной къ роскоши и праздности плоти.